

Глава 1

Тема: как найти свои дебаты

Утром в январский понедельник 2007 года, через два-три месяца после окончания начальной школы, зеленые ворота входа в среднюю школу Баркер-колледжа стали для меня порталом в новый мир. Для меня и других двенадцатилетних ребят в тот первый день в средней школе контраст между тем, как было прежде, и тем, что мы увидели теперь, был разительным. Раньше мои одноклассники, бывало, носились по игровой площадке в чем попало, лишь отдаленно напомиравшем школьную форму, а в этом кампусе ученики, одетые в накрахмаленные белые рубашки, выглядели словно с иллюстрации из брошюры приемной комиссии. Территория моей предыдущей школы была очень растянутой, с укромными уголками, а ухоженный кампус средней школы для мальчиков, в которой я теперь оказался, намекал на конкретный порядок вещей — и у меня были веские причины побыстрее его изучить.

Уже к обеду я понял, что задача эта не из простых. В школе, где учились две тысячи мальчишек, не имело смысла говорить о каком-то одном порядке вещей; их было много. Уроки соответствовали одному набору ожиданий — ученики обращались к учителям «сэр» и «мисс» и, прося слово, вежливо поднимали руку, — а снаружи, на игровой площадке, царили правила джунглей. В светлом атриуме музыкального корпуса школьники вели себя по-одному, а в пропахших плесенью раздевалках спортзала

совершенно по-другому. Словом, место это было настоящим калейдоскопом разных ожиданий.

Надо сказать, за три с половиной года жизни в Австралии я превратился в отличный переключатель кода. Я научился ловко переходить с душевного языка, принятого у нас дома, на веселый и поверхностный разговорный, который приветствовался в начальной школе. Однако в средней школе Баркер-колледжа я столкнулся с проблемой, потому что никак не мог разобраться в здешних правилах и кодах. Какие шутки тут уместны и в каких ситуациях? Насколько стоит раскрываться и кому именно? Я пытался ответить на эти вопросы, но только спотыкался об очередные проблемы.

В те первые недели в новой школе я не замкнулся в молчаливом одиночестве, а искал и находил утешение везде, где мог. В классе я оказался в компании немногословных и приятных в общении юных австралийцев, которых звали — оцените изящество аллитерации — Джим, Джон и Джейк. Самые амбициозные одноклассники перли напролом, используя любое общение для того, чтобы самоутвердиться и убедить других в своей точке зрения, а наша группа, казалось, полностью мирилась с создавшимся статус-кво. На большой перемене мы скидывались на коробку горячих чипсов из кеабной — это главная австралийская еда навынос — и съедали их, обмениваясь буквально несколькими словами.

И чего я уж точно никогда не говорил новым друзьям, так это того, что пришел в эту школу с максимально конкретной целью — вступить в местную команду по дебатам. После первого опыта состязательных дебатов в пятом классе я имел возможность принимать в них участие лишь время от времени. Но я знал, что в средних и старших школах Сиднея культура дебатов весьма развита и в большинстве из них есть команды, которые каждую неделю состязаются друг с другом. Надо сказать, дебаты занимали в жизни школ довольно странное место. Подобно шахматам или викторинам, они предоставляли доступ к соревновательным видам

деятельности для не особенно спортивных детей, но, в отличие от других мероприятий в закрытом помещении, пользовались популярностью благодаря отличной репутации знаменитых выпускников, когда-то членов школьных дискуссионных клубов.

В школе Баркер-колледжа на тренировку по дебатам, проходившую по средам во второй половине дня, мог прийти любой желающий, но по вечерам в пятницу представляла школу в каждой группе местной лиги только одна команда из четырех учеников. Чтобы тебя в нее включили, нужно было пройти прослушивание. В первую неделю февраля, в преддверии этого «экзамена», я попытался было хоть что-нибудь о нем разузнать — «дружище, а что там за прослушивание для дебатов?» — но, кажется, кроме меня, это никого не интересовало. И я решил, что, скорее всего, пройти в команду будет проще простого. Спасибо спорту и другим крутым занятиям.

Как оказалось, я ошибался: на первый этап прослушивания, начало которого было назначено на четыре часа в четверг, пришло более тридцати ребят. Комната с белыми стенами на верхнем этаже корпуса английского языка и литературы напоминала внутренность холодильника, и не только внешним видом; ученики, одетые легко, соответственно уличной жаре, входя в нее по одному или парами, тут же начинали дрожать от холода. Председателем комиссии по прослушиванию была мисс Тиллман, учительница истории, дама весьма стоического характера.

Мисс Тиллман объяснила, что прослушивание не предполагает полноценных дебатов. Вместо этого каждому кандидату будет предложена тема, задана сторона (утверждающая или отрицающая) и дано полчаса на подготовку речи, которая должна содержать два аргумента за или против, сообразно назначенной позиции. В начальной школе мы готовились к дебатам несколько недель, при желании с помощью учителей и интернета, а теперь предстояло действовать в одиночку, да еще и вписаться в установленный, причем весьма жесткий, лимит времени. «Такой

формат прослушивания, конечно, не скажет судьям всего о кандидатах, — сообщила мисс Тиллман, — но позволит оценить вашу... реакцию».

В ожидании начала прослушивания я сделал еще одно важное открытие: некоторые соискатели на место в команде выглядели на редкость уверенными в своих шансах на победу. Ребята, которые учились в школе Баркер-колледжа с третьего класса, с присущей двенадцатилетним «деликатностью» всем видом показывали, что они были успешными участниками дебатов на предыдущем возрастном уровне и намерены продолжить свой славный путь. «Мы добились успеха на юниорской трассе и рассчитываем на продолжение забега», — так и заявил один из них, прежде чем окинуть комнату уверенным взглядом в поисках понимания на лицах окружающих.

И тут я услышал, как мисс Тиллман называет мое имя. Уж не хочет ли она дать мне какие-то дополнительные инструкции или, может, лишний раз подбодрить? Но учительница вручила мне белый конверт, в котором лежал листок бумаги с несколькими написанными от руки словами: «Призыв на военную службу должен быть обязательным. Утверждающая сторона».

Стоило мне прочесть последнее слово — и пошло-поехало. Я и до получения конверта был словно заряжен какой-то потенциальной энергией — разум кипел в ожидании темы; дикое напряжение, требующее выхода, — а теперь комнатуха без окон, в которую меня отправили готовиться, казалось, потрескивала от заряда грядущих событий. Я нашел опыт подготовки к дебатам на удивление раскрепощающим. Назначенная тема словно перенесла меня в новую среду и присвоила мне новую личность. Из двенадцатилетнего подростка, неуверенного в себе и в том, чего от него ожидают окружающие, я превратился в кого-то вроде адвоката в совещательной комнате.

Тот факт, что у меня не было четкого мнения по теме, за которую предстояло ратовать, парадоксальным образом только усиливал

это ощущение свободы. Было легко играть с идеями, не будучи обремененным ожиданиями относительно последовательности доводов или глубокой убежденности в их правоте (я ведь сторону не выбирал), и исследовать каждый темный уголок спорных аспектов (тему тоже не выбирал). Обдумывание *темы* — всегда *движение*, и именно это я остро чувствовал в те полчаса подготовки.

Потом мисс Тиллман постучала в дверь моей комнатухи и вернула меня с небес на землю. В комнате для прослушивания за длинным столом сидела комиссия из трех преподавателей. Один из них, пухленький учитель биологии, с которым я познакомился на этапе ориентации, еще как-то старался выглядеть приветливым и сочувствующим, но остальные сидели с серыми от усталости лицами; мы их уже порядком достали.

Я остановился в центре комнаты и сфокусировал взгляд между лицами двух членов комиссии — этакая суррогатная форма зрительного контакта, которая, как я надеялся, сойдет за этот самый контакт. И начал свою речь: «Каждый гражданин обязан обеспечивать безопасность своей страны. Это наш долг. Если граждане выполняют этот долг, идя на военную службу, мы получаем более сплоченное общество и более боеспособную армию, жизнь наша становится более счастливой». Из-за нервозности и желания быть замеченным я с каждым словом повышал тон и громкость. Скоро я уже чуть ли не орал во всю глотку — и, поняв это, в следующую минуту пытался сбавить тон.

В подготовленной мной речи было два главных пункта: что служба в армии — долг каждого гражданина и что это способствует повышению уровня безопасности нации. По правде говоря, это больше напоминало бессвязную и страстную мольбу, чем речь на дебатах (что бы это ни значило). В один из самых душевраздирающих моментов я буквально взмолился: «Загляните же в свои сердца и спросите, каков ваш долг перед согражданами!» И все же я чувствовал, что некоторые из моих тезисов о важности обязательной военной службы для национальной безопасности

произвели на судей нужное впечатление. Когда я говорил о том, что политические лидеры должны нести бóльшую ответственность за успех военных операций, одна из судей, измученных предыдущими спикерами, кажется, даже ненадолго вышла из ступора. Если другие выступающие в моем временном слоте и были хороши, то явно не настолько. Я чувствовал, что у меня появился шанс на победу.

На следующий день вскоре после начала большой перемены на школьной доске объявлений возле столовой появилось объявление: «**Команда по дебатам — год седьмой**». Последним в списке стояло мое имя; группе предлагалось в среду в четыре часа явиться на первую тренировку с инструктором. Это объявление показалось мне билетом туда, где я никогда прежде не бывал.

То, что наш тренер, долговязый студент по имени Саймон, был одним из самых успешных участников дебатов Баркер-колледжа в группе своего года, казалось невероятным. Он стоял перед нами с лицом цвета гранатовых зерен — таким же пунцовым и пятнистым. И голос его потрескивал от неуверенности в себе.

Ровно в четыре в среду, почти через неделю после прослушивания, с десяток ребят собрались в той же комнате-«холодильнике». Четверо новичков, только отобранных в команду, — Стюарт, Макс, Натан и я — сидели группкой, но почти не общались друг с другом, разве что обменялись приветствиями. Из этих ребят я больше всех симпатизировал Натану, чувствительному пареньку, на мой взгляд похожему на ученого-натуралиста. Никто из нас не осознавал того пугающего факта, что до старта чемпионата лиги осталось лишь две недели.

Затем началась тренировка, и я стал свидетелем удивительной трансформации. Все еще стоявший у доски Саймон, рассказывая

о дебатах, казалось, превратился в другого человека. Какая-то внутренняя сила теперь наполняла его позу и уверенно завершала его слова. Лицо по-прежнему было красным, но краснота приобрела более живой оттенок. Сняв колпачок с маркера, Саймон повернулся к доске и написал на ней одно-единственное слово — *тема*.

«Вспомните свой последний спор, с кем угодно, — сказал он. — Вспомните его в максимальных подробностях: как все выглядело вокруг в это время суток, какие высказывались доводы, аргументы или, возможно, оскорбления. Теперь запишите вопрос: о чем вы тогда спорили?»

Я тут же подумал о веренице споров со старым другом из начальной школы, который теперь учился в средней школе на другом конце города. Я неплохо помнил, о чем мы с ним говорили, но вдруг обнаружил, что мне трудно ответить на вопрос Саймона. Иногда я вообще не мог вспомнить, из-за чего разгорелся сыр-бор. Это как с ночными кошмарами: суть испарилась, осталось лишь противное послевкусие. Но были и другие раздоры, которые я помнил слишком хорошо. Обычно все начиналось с какого-то банального противоречия, после чего появлялись новые поводы для спора — очередные расхождения в мнениях, подозрения в пренебрежении друг к другу, прошлые обиды, — и любой из них можно было представить как его причину.

«Это большая проблема. Если не знаешь предмета спора, как решить, что говорить или чего не говорить, на чем настаивать, а что пропустить и хочешь ли ты вообще об этом спорить?»

Далее тренер Саймон сослался на исследования социологов и лингвистов, в которых утверждалось, что людям проще «говорить как будто на конкретную тему», на самом деле уходя от нее. Иначе говоря, мы создаем впечатление соответствия своих слов нужной теме — обычно с помощью вербальных сигналов вроде «что касается этого вопроса», — хотя на деле незаметно меняем ее. А поскольку большинство из нас предпочитают живую, свободную

беседу, мы редко стараемся целенаправленно и осознанно обдумывать, о чем идет речь. «В итоге мы дрейфуем в разные стороны, охватывая множество разных тем и направлений и все дальше уходя от решения вопроса», — сказал Саймон.

«Но участники дебатов поступают с точностью до наоборот. Каждый раунд начинается с темы. Это первое, что мы, участники дебатов, пишем в своих блокнотах и на доске в комнате для подготовки. Считайте это актом присвоения имени: мы называем свое разногласие, а вместе с тем и цель, ради которой собрались».

Следующие два часа Саймон рассказывал нам о темах и поведал о них больше, чем мне казалось возможным — и нормальным. По его словам, тема — это краткая формулировка основного момента, по которому двое или более людей расходятся во мнении, например:

Джейн — ненадежная подруга.

Правительство не должно спасать крупные банки.

Проверить, подходит ли то или иное утверждение в качестве темы для дебатов, просто: надо записать его в форме отрицания (если исходно это отрицание — в форме утверждения).

Джейн — ненадежная подруга Джейн не ненадежная подруга

Правительство не должно
спасать крупные банки

Правительство должно спасать
крупные банки

Нужно, чтобы обе стороны дебатов могли сказать, что эти формулировки точно описывают то, во что верят они и их оппоненты.

Но главная, определяющая характеристика темы для дебатов — удовлетворенность ею обеих сторон. Всеобъемлющая предметная область, например «экономика» или «здравоохранение», не может быть такой темой, поскольку она не выражает ничего конкретного, что можно обсудить. Темой дебатов не может быть и чисто

субъективное мнение, например «Мне холодно», ведь другой человек не может возразить, заявив: «Нет, тебе не холодно».

В целом люди расходятся во мнениях по моментам трех типов — факты, субъективные суждения и предписания, — и каждый из них порождает споры своего вида.

Разногласия по фактам сфокусированы на заявлениях о фактическом состоянии дел. Они принимают форму «X — это Y», где X, и Y — эмпирически наблюдаемые характеристики мира.

Лагос — это мегаполис.

Уровень преступности в Париже в 2014 году ниже, чем в 2016 году.

Разногласия второго типа касаются наших субъективных суждений о мире — каков он есть или каким должен быть, на наш взгляд. Они имеют форму вроде «А следует считать B» или «У нас есть веские основания полагать, что A есть B».

Ложь аморальна (таковой ее следует считать).

(У нас есть веские основания полагать, что) завтра будет лучше, чем сегодня.

Третий тип, разногласия на основе предписаний, касается того, что мы должны делать. Они обычно встречаются в форме «C должен D», где C — действующее лицо, а D — некое действие.

Наша семья должна купить абонемент в спортзал.

Государство не должно ограничивать свободу слова.

Я слушал Саймона, и мне было ужасно интересно, но к концу тренировки я испытывал и немалое разочарование. Вместо секретных стратегий и беспроигрышных приемов нам рассказали о классификации и системе; вместо того чтобы оттачивать полезные навыки, мы просто что-то записывали в блокноты.

И у меня зародилось сомнение: уж не тяготеют ли состязательные дебаты, — как и другие требующие развитых навыков игры, например шахматы, — к эзотерике, как минимум когда они уже не могут поддерживать аналогии с реальной жизнью?

Но тем же вечером у меня появился повод вернуться к услышанному.

Первые несколько лет после переезда в Австралию мои родители редко спорили друг с другом или со мной. Мнения наши расходились то и дело, но мама с папой явно считали, что спорить по таким вопросам для нас непозволительно, что сейчас для этого не время, ведь впереди нас ждет много тяжелой работы. Но в последний год или около того мы начали спорить чаще, хоть и по-прежнему старались не акцентировать на спорных точках внимания. В большинстве случаев это работало, но, если один из нас «ломался», это вело к запутанным и бесконечным разборкам.

В то время, весной 2007 года, почти через четыре года после переезда в Сидней, наше семейство рассматривало план натурализации как граждан Австралии. Это во многом было чисто бюрократическое решение, сводившееся к бытовым вопросам вроде, например, уплаты налогов. Однако для моего папы этот выбор имел значение символическое. На семейных советах он последовательно говорил, как нам важно не отрываться от своих культурных корней; слово *гражданство* было для него не пустым звуком.

Так вот, тем вечером после тренировки, в тихие часы после ужина, папа попросил меня спуститься на первый этаж и поговорить по телефону с родственниками, звонившими из Кореи. Но я, занятый в своей комнате компьютерной игрой и мессенджерами, его просьбу проигнорировал. И папа, повесив трубку после разговора с родными, тут же поднялся ко мне. Звук его дыхания, поверхностного и неровного, заставил меня прервать свое занятие.

«Как ты посмел не подойти к телефону? Твои тети не спали, чтобы ответить на мой звонок, а ты не смог уделить им и пяти минут? Ты вообще никогда не общаешься с родственниками!»

Последняя претензия показалась мне бесосновательной и, следовательно, несправедливой. В прошлом месяце я переписывался с нашими многочисленными родными по мессенджерам. Да, сегодня я увлекся игрой и не подошел поговорить, но, как мне казалось, один этот факт вряд ли оправдывал упрек подобного рода.

И я принялся защищаться: «Да что ты говоришь? Я постоянно общаюсь с нашими родственниками!» Начал я на корейском, но на полпути переключился на английский. «А ты что, не хочешь, чтобы я зависал с друзьями? Но разве не ты требовал, чтобы я как можно быстрее ассимилировался?» Я видел, как лицо отца, более квадратная и четко очерченная версия моего собственного, становится краснее, а очертания его начинают дрожать.

И вдруг, вместо того чтобы продолжать в том же духе, я услышал, что задаю папе совсем другой вопрос: «Погоди-ка, а о чем мы вообще сейчас спорим?» Ясно, что наш спор не был связан с предписанием: мы оба, безусловно, сходились в том, что звонить родным и разговаривать с ними надо. У нас были разногласия по поводу того, сколько раз я делал это в прошлом, но это важным не казалось.

За следующие несколько минут мы совместными усилиями определили, что наш спор коренится в субъективном суждении. У папы сформировалось субъективное мнение, будто я пресыщен связями с Кореей и пропущенные звонки родных — один из симптомов моего пренебрежения к родине в целом.

А как только мы присвоили спору имя, наш разговор в одночасье приобрел новый фокус и ясность. И хотя мы прекратили прения только к полуночи, да и то с намерением непременно вернуться к этому разговору позже, каждый из нас ушел спать с четким пониманием, так сказать, рельефа нашего разногласия.

«Мне что, действительно нужно это разжевывать?» — спросил в какой-то момент папа. И я понял, что да, нужно.

Благодаря грамотно построенным дебатам этот маленький уголок мира стал для меня более понятным, и, укладываясь в тот вечер спать, я думал о других местах, в которых это также могло сработать.

Тем временем в школе я открывал для себя способы успешной конкуренции. У нас, конечно, поощрялась внутренняя борьба за статус и положение, но по большей части учителя старались перенаправить соревновательную энергию учеников вовне, на давнее традиционное соперничество с другими школами. В центре внимания, понятно, были команды по регби и крикету, но любая победа своих отмечалась и праздновалась. На общих собраниях героем и образцом для подражания становился каждый победитель — и в викторине ботанов, и на конкурсе гобоистов, да где угодно.

Я увидел в этом самые многообещающие перспективы. Моя главная цель в первые годы в Сиднее заключалась в том, чтобы меня признали и приняли в свой круг, но успех в том или ином конкурентном виде деятельности открывал куда большие горизонты в виде одобрения и даже восхищения окружающих. Этот факт делал предстоящий старт сезона дебатов чрезвычайно важным событием и, соответственно, распалял мои опасения по поводу нашей подготовки к нему.

А вот Саймона это, похоже, ничуть не беспокоило. На нашей второй тренировке он стоял в той же неуклюжей позе у доски и ждал, пока мы рассядемся по местам. Его голос, такой же безмятежный, как и его лицо, не выражал ни малейшей тревоги.

— Итак, на прошлой неделе мы говорили о трех видах тем и о том, к каким типам споров они приводят. Но вы наверняка заметили, что классификация эта слишком уж аккуратная и простая. На самом деле люди расходятся во мнениях по многим вопросам одновременно. Мы, как правило, спорим по поводу фактов, суждений и предписаний, высказывая свое несогласие сразу со всеми тремя аспектами в одном предложении. Так что наша задача отнюдь не сводится только к определению предмета спора. Нет, нам нужно распутать многочисленные нити разногласий и наметить курс на разрешение хотя бы некоторых из них.

Саймон подошел к доске и записал тему.

Родители должны отправлять детей в государственные школы.

— Обведите тут слова, которые могут породить разногласия между двумя сторонами, и аргументируйте свой выбор.

Я переписал предложение в тетрадь и обвел слово *отправлять*.

Ответ казался мне очевидным: это был спор о том, что следует делать; разногласие, связанное с предписанием.

Родители должны **отправлять** детей в государственные школы.

Остальные ребята обвели то же слово, но Саймона это не впечатлило. «А в чем же еще могут разойтись две стороны? Попробуйте представить, как они смотрят на это предложение. Их мнения могут отличаться и по другим словам. По каким же?»

На минуту воцарилось полное молчание. Потом словно что-то щелкнуло, и все принялись выкрикивать варианты ответов. Стороны могут не согласиться со словами «местные государственные школы». У них может быть разная фактическая информация о том, как обстоят дела в этих заведениях (например, сколько там учителей), и противоречивые суждения об их

главной цели (например, успеваемость на первом месте, а участие в жизни местного сообщества на втором). А еще стороны могут расходиться в таких моментах, как потребности, личностные характеристики и желания детей и обязанностей родителей. И вот что у нас в итоге получилось.

Родители должны отправлять детей в государственные школы.

Далее Саймон сообщил нам, что это упражнение называется «анализ темы» и отлично демонстрирует многослойность наших споров. То, что кажется спором по одному поводу, на самом деле может оказаться спором сразу по нескольким вопросам, и неспособность распознать эту множественность мешает людям слышать друг друга. «Разве можно рассчитывать на какой-нибудь прогресс, если стороны спорят о разном?»

Анализ темы, наглядно продемонстрировавший многослойность споров, помог нам сразу в двух смыслах.

Во-первых, он позволил определить суть спора, то есть фундаментальное столкновение мнений, из которого проистекали остальные пункты разногласий. Главным моментом в споре об отправке детей в государственную школу могло стать наше понимание обязанностей родителей перед своими детьми и перед обществом. И если мы договоримся по этому вопросу, то сможем выйти из тупика. Короче, то, что поначалу показалось нам спором, связанным с предписанием, на самом деле оказалось разногласием, касавшимся субъективного суждения.

Во-вторых, благодаря анализу темы мы могли выбирать поле битвы — провести четкую грань между спорами, в которых необходимо выиграть, и теми, которые можно и проиграть. Предположим, один из родителей считает, что в государственных школах есть все базовые средства (факт), что родители обязаны улучшать систему государственного образования (субъективное суждение) и что они, соответственно, должны отправлять туда

своих детей (предписание). Второй родитель может быть с этим полностью согласен или не согласен, но, скорее всего, оба будут находиться где-то посередине данных континуумов. И мы можем очертить эту серую зону.

Полное расхождение по деталям

Не согласен по факту

Согласен по суждению

Согласен по предписанию

«В государственной школе нет всего необходимого. Но мы несем ответственность за исправление этой ситуации и потому должны отправлять туда своих детей»

Полное расхождение по аргументации

Согласен по факту

Не согласен по суждению

Согласен по предписанию

«В государственной школе есть все необходимое. Мы не несем ответственности за улучшение ситуации, но должны отправлять туда наших детей, потому что это им на пользу»

Полное расхождение по подходу

Согласен по факту

Согласен по суждению

Не согласен по предписанию

«В государственной школе есть все необходимое. Мы несем ответственность за улучшение ситуации, но можем делать это и другими способами, кроме отправки туда своих детей»

Полное согласие по деталям

Согласен по факту

Не согласен по суждению

«В государственной школе есть все необходимое. Мы не несем ответственность за улучшение ситуации и не должны отправлять туда своих детей»

Полное согласие по суждению

Не согласен по факту

Не согласен по суждению

«В государственной школе нет всего необходимого. Мы несем ответственность за улучшение ситуации, но не должны отправлять туда своих детей»

Полное согласие по результату

Не согласен по факту

Не согласен по суждению

«В государственной школе нет всего необходимого. Мы не несем ответственности за улучшение ситуации, но должны отправлять туда своих детей, потому что это им на пользу»

Поскольку цель людей в большинстве споров не в том, чтобы устранить абсолютно все, в чем они не сходятся с другой стороной, а в том, чтобы достичь более приемлемого уровня разногласий, им редко приходится вести войну по всем фронтам. Для участника состязательных дебатов главная цель — добиться согласия аудитории по предписанию; следовательно, простое согласие по подходу может быть для него не менее желательным результатом, чем полное согласие. А для родителя, который во главу угла ставит выполнение своего гражданского долга, расхождение по подходу может быть вполне приемлемым вариантом при условии, что он может служить обществу какими-то другими способами. В общем, анализ темы показал нам новые возможности для компромисса, которые таились не в полном согласии и не в абсолютном несогласии сторон, а в их градациях.

Остаток той тренировки мы работали над длинным списком тем с доски. Я попытался было задать парочку актуальных вопросов, — вроде «А как мы собираемся победить соперников на дебатах?» — но Саймон отвечал на них максимально лаконично и вновь возвращал всех к упражнению. В шесть наше время истекло, и тренер отправил нас по домам с единственным напутствием: «Встречаемся в пятницу на больших дебатах!»

Последним уроком в пятницу у нас была химия; сидя в стерильной лаборатории, я с нетерпением ждал, когда же он доползет до конца. У демонстрационного стенда учитель лил в мензурку что-то розовое и говорил о титровании. Но меня вся эта алхимия ничуть не интересовала; мое внимание было поглощено другим. Весь день мой телефон вибрировал от сообщений других членов нашей дебатной группы на тему «Сделаем их, ребята!». Квартет наш, надо признать, получился довольно

пестрым — высокие и маленькие, шумные и молчуны, — но мы уже начинали считать себя командой и активно искали слова в поддержку этой идеи.

В пятнадцать минут четвертого наконец прозвенел звонок, и я помчался в кебабную на встречу команды. Есть никому из нас особо не хотелось, но мы решили, что до дебатов, которые начались меньше чем через два часа, надо что-то в себя забросить. Там, сидя за столом, я начал замечать неявные сходства, скрывавшиеся под более очевидными различиями между мной и моими товарищами по команде. Стюарт, примостившись на краешке стула, то и дело очередь выдавал довольно спорные идеи, но ему явно нравилось, когда другие ребята оспаривали их, как это часто делал Макс в его неизменно рассудительной манере. А Натан вечно сиял приятной мягкой улыбкой, но тоже никогда не пытался уклониться от честного высказывания собственного мнения. И хотя я по-прежнему считал своими лучшими друзьями одноклассников Джима, Джона и Джейка, сидя в кебабной, я не мог избавиться от ощущения, что встретил своих.

В Австралии вечер дебатов — мероприятие четко структурированное. Разные лиги школ и университетов устраивают свои соревнования по-разному, но большинство из них проводят еженедельные раунды между пятью и девятью часами вечера. Наша школьная лига в Сиднее каждый пятничный вечер сводила в поединке две школы; силами мерились команды от седьмого до двенадцатого класса.

Пока мы вчетвером сидели в общей комнате, ожидая темы, к нам то и дело подходили с советами и рекомендациями ребята постарше и поопытнее в дебатах. Один крепкий одиннадцатиклассник — весьма редкая комбинация регбиста с членом дискуссионного клуба — притянул меня к своей широкой груди и велел «порвать их всех». Нашим соперником в тот вечер была команда соседней католической школы для девочек под названием «Бригидина»; девчонки сгрудились вокруг фонтанов метрах

в пятидесяти от нас. Одетые в клетчатые юбки и темно-бордовые блейзеры — типичная форма для частной сиднейской девичьей школы, — они выглядели на редкость нарядными, и я уже пожалел, что не надел утром самую чистую из двух моих школьных белых рубашек.

Выдачей темы занимались наш координатор того года мисс Тиллман и ее коллега из Бригидины. Под взглядами своих семей, этаких «Монтекки и Капулетти» дебатов, наши соперницы и мы вчетвером вышли на середину комнаты. Там мы на мгновение столкнулись друг с другом лицом к лицу, так сказать, без преград и прикрас. На лице ближайшей ко мне девочки я увидел равномерную смесь страха и решимости.

Мисс Тиллман вручила нам конверты, подняла в воздух секундомер и провозгласила: «Время... пошло!» Я прочел тему вслух на ходу, пока мы мчались в комнату для подготовки: «Развивающиеся страны должны отдавать приоритет экологической устойчивости, а не экономическому развитию. Утверждающая сторона: Бригидина. Отрицающая сторона: Баркер». Несясь вверх по лестнице с товарищами по команде, под топот наших шагов, словно расчищавший путь вперед, я вновь испытал острое ощущение движения.

Однако в комнате для подготовки, пыльном помещении, явно используемом в другое время как кладовка, весь наш импульс куда-то улетучился. Первые двадцать минут отведенного на обсуждение времени пролетели в невообразимо непродуктивном хаосе. Мы исписали всю доску идеями, но так и не смогли найти ни одного достойного внимания аргумента. Мы то и дело жаловались — и не без основания — на то, что понятия не имеем, что делаем. За несколько месяцев до этого я видел документальный фильм об изменении климата под названием «Неудобная правда», который тогда только вышел на экраны, и в голове у меня постоянно возникал образ Ала Гора, с огромным разочарованием наблюдавшего за нашей тщетной суетой.

А потом Макс, который, кстати, до этого оставался странно спокойным и молчаливым, дал нам «волшебный пинок». Он вдруг подошел к доске и вытер начисто небольшой участок в самом центре. И написал там:

Развивающиеся страны должны отдавать приоритет экологической устойчивости, а не экономическому развитию.

— Давайте проведем анализ темы, — сказал он. — Итак, о чем на самом деле эти дебаты?

В этом мы проявили полное единодушие. Безусловно, главное разногласие касалось предписания — чему развивающиеся страны «должны отдавать приоритет». Однако наши команды могли также расходиться в мнениях относительно описательного смысла и нормативной ценности таких понятий, как «устойчивость» и «развитие». А еще — относительно условий в развивающихся странах, равно как их прав и обязанностей. И вот что у нас получилось в итоге.

Развивающиеся страны должны **отдавать приоритет** экологической **устойчивости**, а не экономическому **развитию**.

Определившись с направлениями возможных разногласий, мы решили сосредоточиться на последнем блоке вопросов — о правах и обязанностях развивающихся стран — и начать с аргумента, что миру не следует ожидать, что они возьмут на себя значительные расходы в борьбе с климатическими изменениями. Поскольку Глобальный Север способен помочь в ослаблении компромисса между устойчивостью и развитием, приветствуется первое, но при возможности выбора развивающиеся страны имеют право принять определенный вектор. Стратегия наша оказалась довольно сомнительной, и оспорить ее было несложно, но, пока мы с товарищами по команде шли из комнаты для подготовки со своими наскоро

наброшенными речами, я испытывал огромное облегчение от того, что мы вообще нащупали направление.

В помещении для дебатов, в новеньком классе, залитом светом люминесцентных ламп, собралась аудитория, в основном из наших родителей. Мои мама и папа, принарядившиеся по такому случаю, махали мне руками со своих мест во втором ряду до тех пор, пока я не помахал им в ответ. Соперницы были уже там. Усевшись и оглядевшись, я отметил, что время подготовки на безупречном внешнем виде девочек никак не сказалось.

Следующие слова, которые я услышал, произнес председатель судейской комиссии: «Добро пожаловать на первый раунд для семиклассников. Еще раз прошу зрителей отключить телефоны. А теперь поприветствуем первого утверждающего спикера, который откроет дебаты».

Первый спикер от Бригидины, девочка строгого вида, которая каким-то образом умудрялась никак не проявлять своей нервозности, больше минуты молча стояла в центре комнаты. Только когда аудитория принялась ерзать в ожидании речи, она наконец заговорила длинными и на редкость складными предложениями.

— Изменение климата — величайшая угроза, с которой столкнулся сегодня наш биологический вид, оно угрожает практически всему, что у нас есть. Развивающиеся страны не только виноваты в огромном количестве глобальных выбросов в атмосферу; они же сталкиваются и с худшими последствиями этой экологической катастрофы.

Не будь я в другой команде, меня бы ее слова вполне убедили. Девчонка говорила с необыкновенным красноречием и страстью. Два главных посыла ее речи — что мы должны ставить экологию выше экономической выгоды и развивающиеся страны могут помочь миру ослабить худшие последствия изменения климата — казались безупречными, непробиваемыми. Но при этом я учуял и благоприятную возможность: наша команда и не собиралась оспаривать ни одно из этих утверждений.

Наш первый спикер, Натан, выходя в центр комнаты, умудрился наткнуться на стол. Под взглядами зрителей, обеспокоенно следивших за его движениями — не повредил ли чего бедняга, — он восстановил равновесие и, отдышавшись, тихим голосом начал: «Мне кажется, произошло некоторое недоразумение. Мы все знаем, что изменение климата — большая проблема и развивающиеся страны вносят свой вклад в глобальные выбросы в атмосферу. И мы согласны с большей частью сказанного предыдущим оратором. Но наша команда хочет задать другой вопрос: кто должен нести огромные экономические и людские издержки, неразрывно связанные с улучшением экологической ситуации в мировом масштабе?» В короткий период молчания, воцарившегося после этого вопроса, я почувствовал, что аудитория переживает момент некоторого озарения.

Надо признать, остальная часть речи Натана была далека от совершенства. Ни один из нас толком не умел тогда ни выдвигать убедительные аргументы, ни строить линию опровержения. Наша подготовка к тем дебатам так и не продвинулась дальше анализа темы. И все же я никак не мог отделаться от ощущения, что мы вырвались вперед и нашим соперницам в другом углу комнаты не видать победы как своих ушей. Мои родители во втором ряду сначала бросали взгляды друг на друга, а потом на Саймона, который то и дело понимающе нам улыбался.

С того вечера я окончательно подсел на дебаты. Конечно, победа, как и ее общественное признание — на следующей неделе на общем собрании школы нас, как победителей, наградили бурными аплодисментами, — были на редкость приятными. Однако через неделю после дебатов мне ярче вспоминалось другое: восторг в момент прозрения в комнате для подготовки,

ощущение общности с аудиторией; животный трепет то жертвы преследования, то того, кто преследует сам. В те далекие дни я, как новичок, понимал только одно: у моей одержимости дебатами много пересекающихся друг с другом источников.

Впоследствии, месяц за месяцем добиваясь вместе с товарищами по команде все новых успехов в школьной лиге, я лучше осознавал, что больше всего ценю в дебатах: они проясняли суть наших разногласий и тем самым открывали и объясняли нам огромный мир. В одну неделю мы обсуждали Олимпийские игры, в следующую — реформы налогового кодекса и каждый раз должны были высказываться как люди, имеющие твердое мнение по предмету. При этом мы, по сути, путешествовали по всему земному шару, не выезжая за пределы своего района.

Единственной аналогией этому, которую я могу предложить, было телешоу, на которое я также подсел примерно в то время. Называлось оно *The View*. Шоу шло с 1997 года, вела его Барбара Уолтерс; обычно в нем участвовала группа из четырех-пяти женщин, которые спорили на злободневные (горячие) темы и интервьюировали гостей. Программа обещала максимальное разнообразие мнений; идея была в том, чтобы собирать панель, охватывавшую разные поколения с разным личностным и профессиональным бэкграундом.

На мой взгляд, все соведущие шоу были невероятно красноречивы. Конечно, мы на уроках истории читали Геттисбергскую речь Линкольна и слушали записи Нельсона Манделы, и дамы из *The View* говорили совершенно не так. Они удивляли и восхищали меня другим — способностью спорить в режиме реального времени на самые разные темы, от политики до сплетен о знаменитостях, да так, что людям хотелось слушать их каждый день.

Кроме того, мне казалось, что базовая ситуация соведущих шоу удивительно похожа на мою собственную как участника дебатов. Понятно, что эти дамы были опытными телеведущими

и за ними стояли целые армии вспомогательного персонала. Но шоу круглый год записывали в Нью-Йорке на ABC Television в одной и той же студии № 23. И эти женщины путешествовали по всему миру и заглядывали в самые укромные его уголки, полагаясь только на исследования, собственные навыки ведения беседы и тщательно продуманный выбор горячих тем.

Остальные мои школьные годы, с 2007 по 2009 год, прошли в ритме календаря дебатов. Родители и учителя бесконечно наставляли меня, убеждая в важности всестороннего развития и записывая то в спортивную команду для не слишком спортивных ребят, то в школьный оркестр, но моего упрямства было не сломить. Я просто печенкой чувствовал, что наиболее наполненной жизнью живу в те пятьдесят часов, которые отделяли тренировку в среду днем от дебатов в пятничный вечер.

За те три года наша команда ни разу не добилась безусловного, ошеломляющего успеха. В дебатах эпитет «хороший» может иметь массу разных определений, но понятие успеха однозначно: чтобы его добиться, надо победить соперника. Мы с товарищами по команде чаще побеждали, чем проигрывали, но где-то в четвертьфинале госпожа удача, как правило, нас оставляла. И все же, несмотря на разочарования, я никогда даже не думал бросить это занятие. В нашей лиге все знали своих соперников из других школ и внимательно следили за тем, кто держится, а кто «сдулся». И стыд от принадлежности ко второй группе — тех, кто не выдержал накала, — был для меня неприемлемым.

Безусловно, пребывание в этой, так сказать, средней зоне успеха здорово задевало эго пятнадцатилетних подростков. С одной стороны, мы обладали неплохими навыками аргументации для того, чтобы побеждать в большинстве раундов, но с другой, были недостаточно хороши, чтобы стабильно и уверенно пользоваться своими инстинктами во время дебатов. В результате мы тратили уйму времени на попытки предугадать события и на разработку планов по поиску слабых мест соперника. Это озарение

пришло нам в голову где-то в конце сезона 2009 года. В какой-то момент во время подготовки мы вдруг осознали, что горячо и всерьез обсуждаем довольно скользкую идею: а что, если не только анализировать тему, но и попытаться найти способ манипулировать ею себе на пользу?

На тех августовских дебатах наши оппоненты, извечный главный конкурент нашей школы, школа Нокс Грамма, старалась как никогда, ведь на них присутствовал именитый гость. Мистер Худ, глава дебатной программы нашей школы, был спокойным мужчиной, склонным к соломоновым решениям; он преподавал английский язык и считался учителем с энциклопедическим диапазоном знаний. Дебатами он занимался на протяжении многих лет. Если наши тренеры готовили нас к отдельным раундам, то мистер Худ рассказывал о тенденциях, основах и длинных карьерных дугах на этом поприще.

Помимо работы в дискуссионном клубе нашей школы, мистер Худ был членом комитета, который отбирал темы для каждого сезона; в этот орган входили старшие преподаватели и представители администрации Баркер-колледжа. Ранее в том году мистер Худ буквально загипнотизировал меня рассказом о том, как работает этот процесс. Он, в частности, сообщил, что существуют конкурирующие направления с разными взглядами на то, что следует считать хорошей темой для дебатов. И большинство экспертов все же согласовали определенный набор базовых элементов: такая тема должна быть сбалансированной (не давать преимущества ни одной из сторон), глубокой (способной поддерживать как минимум три-четыре аргумента), доступной (не требующей узкоспециальных знаний) и интересной (достаточно новой и небанальной). «Звучит довольно просто, но дьявол кроется в соблюдении этих критериев», — признался мистер Худ.

Представьте, например, что вы хотите провести дебаты на тему переработки в современной экономике. Как ее сформулировать? Первое, что приходит на ум: «Современные люди слишком

много работают». Но это слишком широко и нечетко. И вы меняете формулировку, например так: «Культура, в которой приветствуется переработка, приносит больше вреда, чем пользы». И, пораскинув мозгами, понимаете, что данная формулировка не оставляет места для политического аспекта, который вы считаете обязательным. Да, и не забудьте о необходимости старательно избегать искушения спорить сразу обо всем, скажем, на тему «Капитализм — прогнившая система». Окончательный вариант темы — всегда результат тщательно продуманных решений, множества пересмотров и исправлений и прилива вдохновения. В нашем примере он таков: «Мы должны ввести четырехдневную рабочую неделю».

— Этот процесс может занять целый день, ведь от успеха в деле определения темы зависит очень-очень многое, — сказал мистер Худ. — Известно, что участники дебатов и их тренеры нередко отказываются признавать результаты чемпионата на том основании, что тема была «сфальсифицирована». Так что тема всегда должна быть безупречной.

Меня это объяснение вдохновило. В повседневной жизни мы изначально заряжены на споры, без оглядки на предмет разногласий, не говоря уже о том, способствует ли это честному и продуктивному разговору. А в мире состязательных дебатов, оказывается, истинные эксперты своего дела затрачивают часы драгоценного времени на то, чтобы наши диспуты велись на твердой почве.

В тот пятничный вечер проблемы начались сразу после оглашения темы. Я стоял в застекленном атриуме одного из корпусов школы Нокс Грамма лицом к лицу с одним из наших соперников, парнем по имени Франклин, с огромными часами на запястье и «папашиной» стрижкой; мы ждали, пока выдадут тему. Так у нас было принято; это было нечто сродни противостоянию взглядов боксеров перед поединком, своего рода шанс попытаться влезть в голову соперника. Так вот, в тот раз я по какой-то

причине первым моргнул и первым отвел взгляд. Конверт с темой показался каким-то грубым и шероховатым на ощупь, а от его содержимого — «Мы должны легализовать некоторые запрещенные препараты. Утверждающая сторона: Баркер. Отрицающая сторона: Нокс» — у меня вообще скрутило желудок.

Дело в том, что момент для такой темы был очень уж неподходящим. На уроке здоровья в девятом классе у нас только что закончился курс, посвященный незаконным медпрепаратам. А еще на общем собрании школы совсем недавно выступал бывший заключенный из Ассоциации мотивационных речей, который весьма убедительно советовал — или, скорее, предупреждал, — что нам ни в коем случае нельзя вставать на эту скользкую дорожку. А чтобы сдать заключительный экзамен по упомянутому курсу, нужно было назвать препарат, глядя на фото искореженных частей тел зависимых, которые его принимали. Так что в комнате для подготовки, немного похожей на пещеру, где наши голоса отдавались каким-то странным эхом, мы с ребятами расселись в довольно унылых позах.

Где-то через полчаса мы единодушно сошлись на том, что эти дебаты нам не выиграть. В наших головах навязчивым саундтреком, на взлете вырубая любые либертарианские импульсы, звучали призывы и заявления PR-службы Департамента здравоохранения. Но потом, минуте на сороковой, меня осенило: «Слушайте, а что, если говорить о легализации не всех запрещенных препаратов, а только некоторых из них — наименее опасных?» Товарищи по команде отнеслись к идее скептически, но я напомнил им, что лучших альтернатив у нас нет. В итоге было решено говорить о рецептурных препаратах, но исключив те, которые чреватy серьезными побочными эффектами.

Наш первый спикер, Стюарт, представил линию команды крайне убежденно, сразу же уверенно заявив: «Наше определение запрещенных препаратов четко отражает границу между свободой и здоровьем общества. И полностью согласуется с мнением

экспертов по этому поводу». Затем он представил наше определение, и в «лагере оппозиции» сразу заерзали; оттуда даже раздалась вопли протеста. Поначалу их реакция несколько ошарашила аудиторию, но, когда до слушателей дошла суть выбранной нами стратегии, некоторые тоже запротестовали. Родители ребят из Нокс возмущенно закачали головами и сокрушенно зацокали языками. А сидевший в первом ряду мистер Худ стянул с носа очки без оправы, поправил шерстяной свитер и уставился куда-то мимо нас, на кирпичную стену.

Единственным, кто, кажется, не видел в наших действиях особого коварства, был судья. С самого начала речи Стюарта этот студент с детским лицом и широко раскрытыми наивными глазами просто записывал наши доводы, без малейшего намека на неприятие. Он игнорировал протесты наших соперников — «Баркер полностью исказила определение темы дебатов! Это основания для дисквалификации!» — и даже поглядывал на нас с явным одобрением. Ко времени, когда Макс, наш третий спикер, завершил свою речь, я вынужден был признать удивительный факт: мы выигрываем дебаты.

Наша команда и правда победила, и мы подошли к мистеру Худу, чтобы выслушать его мнение. Я страшно волновался и переживал, но, подойдя к нему ближе, увидел, что он не столько расстроен, сколько выглядит очень усталым, словно какая-то огромная гравитационная сила давит ему на плечи. Мистер Худ твердым и тихим голосом сказал нам, что мы обесценили полемику, то есть, проще говоря, смухлевали. «Такое бывает, когда кто-то неправильно определяет или неверно истолковывает тему дебатов и тем самым обеспечивает себе несправедливое преимущество перед оппонентом».

Далее мистер Худ объяснил, что в дебатах этот недобросовестный прием считается заклятым врагом тех, кто формулирует темы. Иногда это даже забавно: например, на одних дебатах на тему «Следует ли правительству США вмешиваться в дела

Ирака» одна группа определила слово «вмешательство» как резкий упрек. Учитель сказал также, что в итоге эта стратегия ни к чему хорошему не приводит: «Обычно тот, кто ее использует, загоняет себя в ловушку и запутывается, и судьи, как правило, присуждают победу оппоненту».

Впрочем, как признал мистер Худ, изредка этот подход срабатывает, как в нашем случае. Поэтому люди, формулирующие темы для дебатов, очень серьезно озабочены защитой от возможного мухлевания ими. Они стараются сделать формулировку максимально точной и четкой, чтобы устранить любую двусмысленность, да еще и дают дополнительные разъяснения. К сожалению, тут их возможности не безграничны. «Так что, как все нормальные люди в этом мире, мы полагаемся на добросовестность участников дебатов», — закончил мистер Худ свою речь и сокрушенно вздохнул.

Пока он складывал вещи в старую кожаную сумку и прощался с нами, я занес в свой блокнот пару заметок: «Люди склонны мухлевать. Но это ненадежная стратегия». Что ж, буду знать.

А вот чего я тогда точно не знал, так это того, что в социальной сфере мухлюют на каждом шагу, только присмотрись. Тут надо сказать, что переход из девятого в десятый класс в нашей школе был событием знаменательным. Баркер состоит из средней школы для мальчиков и старшей школы смешанного типа (мальчики с девочками), так что первые дни десятого класса — для нас они выпали на январь 2010 года — одновременно и первые дни, так сказать, «переходного периода». Для пятнадцатилетних подростков на пике полового созревания подобные перемены — перспектива поистине ужасающая. Лихорадочно готовясь к ним, мы все буквально обливались дезодорантом.

Утро первого школьного дня в десятом классе, на редкость жаркое и влажное, прошло в неловком молчании. Кроме горстки явных экстравертов и прочих показушников, большинство одноклассников и одноклассниц кучковались по гендерному принципу и старались друг на друга не смотреть. Наша учительница французского мадам Бертон не могла сдержат восторга, то и дело указывая попеременно то в левую сторону класса, то в правую со словами: «Les garçons. Les filles. Les garçons. Les filles!»

А затем, после обеда, жара достигла апогея и, кажется, что-то растопила. В длиннющих очередях в столовой и на зеленых скамейках возле главного входа народ начал разговаривать друг с другом. Люди обменивались шутками и деталями из личной жизни — невероятно важными; раз услышав, их никогда уже не расслушать. Вскоре весь кампус наполнился рокотом бесчисленных голосов представителей обоих полов. А по состоянию на полдень пятницы шестеро состояли в романтических отношениях.

Появление девчонок в корне изменило культуру и атмосферу школы. Если до девятого класса ценился грубоватый стиль немногословного австралийца, то теперь на первый план вышли чувствительные и общительные ребята, которые умели вести разговор по душам. Игровая площадка, когда-то царство жесткого атавистического соперничества, теперь располагала к тому, чтобы раскрыть душу и сердце. Я с огромным удивлением наблюдал, как мои закадычные друзья Джим, Джон и Джейк, да и популярные школьные спортсмены вносят в свое поведение новые коррективы.

А попутно с нашим взрослением эти культурные изменения притащили на школьную игровую площадку политику. Ребята еще были крайне восприимчивы и податливы к влиянию; однажды по наущению нескольких популярных одноклассников мы устроили пикет в защиту орангутангов. Однако постепенно мы начинали решительнее высказываться о политике, культуре и религии и при необходимости отстаивать свое мнение. А самые

бойкие с завидной уверенностью во всеуслышание толковали о «несправедливости».

Если говорить о культуре, в 2010 году в Австралии довольно активно обсуждался вопрос, не зашла ли страна слишком далеко в «политкорректности». Термином этим в довольно уничижительном смысле обозначались меры, направленные на пресечение грубых и оскорбительных высказываний. Способы борьбы варьировались от формальной цензуры до общественного осуждения и санкций, и люди, наиболее обеспокоенные культурой политкорректности, никогда не испытывали недостатка в хворосте для разжигания пламени своего возмущения. Постепенно эти дебаты из телевизионных ток-шоу и статей в СМИ через семейные поездки в авто и обеденные столы перекочевали на школьную игровую площадку.

Для меня человеком, придавшим вполне конкретную форму этой абстрактной дискуссии, стал мой друг Джим. Ловкий и сообразительный, лучший на уроках военной подготовки, Джим был весьма популярен в средней школе, этом истинном рае для опасных шуток о расе и сексе, где практически нет места для искренних признаний и излияний израненной души. Мне его чувство юмора — лаконичное, ироничное, убийственное — нравилось больше, чем все, что можно встретить и в незатейливых американских комедиях и в слишком заумных комедийных шоу на Би-би-си, зачастую понятных только специалисту. Но я всегда чувствовал, что мне, смеясь над его остротами, приходится идти на внутренний компромисс.

Теперь же Джим оказался практически в изоляции. В нашей компании его то и дело упрекали в грубости, говоря: «Да ну, так говорить нельзя». Услышав подобные слова, Джим обычно выпрямлял спину, смотрел на обвинителя и выдавал один и тот же ответ: «Приятель, это же голимая политкорректность».

Кстати, в Австралии слово «политкорректность» — термин с огромным багажом. Его впервые использовала крайне правый

политик Полин Хэнсон в своей первой речи в Парламенте в 1996 году — наряду с заявлением, что Австралии «грозит нашествие азиатов и поглощение ими»⁵. Со временем термин стал неотъемлемой частью исторических войн начала 2000-х, которые велись вокруг вопроса, в какой мере Австралия должна помнить о своем колониальном прошлом. Попутно это понятие накопило множество смысловых слоев и теперь содержало в себе заявления, касающиеся и фактов, и субъективных суждений, и предписаний: оно одновременно подтверждало наличие усилий по ограничению свободы слова, осуждало эти меры как нелиберальные и предлагало им противодействовать.

Во время долгих и горячих споров в нашей компании я часто задавался вопросом, почему мы вообще структурируем их вокруг такого неуклюжего и спорного термина. Одно упоминание о политкорректности, словно какое-то злое заклинание, разделяло людей и порождало гнев в их голосах. А потом мне в голову пришел ответ: понятие *политкорректности* не предполагает ни намека на нейтральность. Те, кто больше всех беспокоится о «культуре политкорректности», используют этот термин потому, что он идет в комплекте с предположением, будто такая культура существует и носит исключительно негативный характер. Иначе говоря, эти люди рассчитывают благодаря этому термину получить в дебатах несправедливое преимущество, а попросту мухлюют.

Я считал эту стратегию в корне нечестной, но в том, как использовал этот термин Джим, особо злого умысла не видел. Вместо этого я чувствовал некоторую неуверенность, да еще и находил определенную логику: если ты не веришь, что можешь изменить чье-то мнение или что твой оппонент всегда будет действовать добросовестно, у тебя есть стимул «подкорректировать» параметры дискуссии в свою пользу. Веские причины для оборонительной позиции Джима я видел и в резком и агрессивном тоне его критиков.

Однако, как мы уже знаем, в итоге попытки смухлевать в дебатах почти никогда не увенчиваются успехом. Через какое-то время другая сторона, скорее всего, использует это себе на пользу. Люди, защищавшие политкорректность, перепределили это понятие, переделав его в «доброту», в результате их оппоненты оказались в довольно нелепой позиции сторонников антидоброты. В результате в 2002 году политик-лейборист Марк Лэтэм предложил понятие «новой политкорректности», описав ее как «лицемерное требование вежливости в политических дебатах, выдвигаемое консервативным истеблишментом страны»⁶. И тогда сам термин стал поляризованным и поляризующим.

Итак, одним апрельским днем, ближе к концу первого семестра в десятом классе, у нас случился прорыв. В столовой на обеде Джим распинался о новых эскападах сторонников политкорректности, и наша подруга Элли — серьезная брюнетка, известная своей резкостью, — его перебила. Я затаил дыхание. Однако Элли на этот раз обошлась без претензий, осуждений и увещеваний. Она просто задала Джиму два вопроса: «А что ты имеешь в виду под политкорректностью? Ну, типа, из-за чего сыр-бор?» Это явно застало моего друга врасплох, но он, слегка запинаясь, ответил: «Ну, это когда людей стыдят за их шутки, хотя они на самом деле никого не хотели обидеть».

В следующие минут десять Джим и Элли определили корень спора. Они сошлись в том, что большинство юридических мер и запретов на высказывания никому не нужны и обществу вместо этого стоило бы уделять больше внимания строительству и развитию инклюзивных школ. А вот в чем они полностью разошлись во мнениях, так это в вопросе о теме шуток и о том, должны ли намерение говорящего или опыт слушателя определять наше к ним отношение. Но хотя ребята структурировали свой спор приемлемым для обеих сторон способом, так, чтобы не манипулировать терминами в свою пользу, они не устранили его

причины. Однако это сделало дальнейшую аргументацию куда более четкой и управляемой.

Слушая тогда Элли и Джима, я думал: не в том ли главный вред мухлежа, что его используют, чтобы избежать возникшего разногласия — загодя подкорректировать исход, лишив соперника шанса на сопротивление? Такой подход может принести краткосрочную победу, но он полностью исключает возможность искреннего обмена мнениями.

Во время Второй мировой войны в британском парламенте обсуждался дизайн новой Палаты общин. Уинстон Черчилль выступал за небольшое прямоугольное помещение, которое настраивало бы парламентариев на серьезные, горячие споры, а Нэнси Астор, первая женщина-парламентарий, — за круглый зал, по ее словам, более подходящий для более разумного века: «Мне часто кажется, что, возможно, было бы лучше, если бы министрам и экс-министрам не приходилось сидеть друг против друга, почти как собакам на поводке; может, тогда и споры были бы не такими яростными»⁷. В одном эта пара политиков была единодушна — в том, что среда дебатов очень важна. По словам Черчилля, «мы придаем форму нашим зданиям, а потом они формируют нас»⁸.

Конечно, на архитектуру наших повседневных споров архитектура физических зданий влияет куда меньше, чем их темы. И все же идея более разумного дизайна Астор — такого, который не исключал бы разногласий, но способствовал большей четкости аргументации и конструктивности спора, — представлялась мне обоснованной. Не зря же термин *topic*, «тема», уходит корнями к древнегреческому слову *topos*, «место». И то, как каждый из нас видит это место — как общедоступное и открытое, позволяющее найти общее решение, или же как узкое поле битвы, враждебное и заминированное, — судя по всему, зависит только от нас самих.

В один из последних дней семестра мистер Худ вызвал меня к себе в кабинет и вручил флаер. Листок бумаги, гладенький

и прохладный на ощупь, напомнил о конвертах, которые вручали при выдаче тем дебатов. «Это приглашение на прослушивание в команду по дебатам штата, ту, которая каждый год участвует в общенациональном чемпионате, — сказал он. — Ты должен попробовать в нее войти».

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

